

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1
Г82

Г82   **Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников** / [предисл. Э.Давыдова]. — М.: «Захаров», 2015. — 400 с. — (Библиотека старой книги)
ISBN 978-5-8159-1251-9

Александр Сергеевич Грибоедов (1795—1829) — драматург, поэт, композитор, дипломат, автор легендарной комедии «Горе от ума» (1824) — в воспоминаниях своих современников, близких друзей и просто знакомых. Записи, в начале XX века собранные в этой книге, печатались в различных периодических изданиях на протяжении многих лет после трагической смерти Грибоедова, и являются, несмотря на некоторую их хаотичность и разбросанность, чуть ли не единственными свидетельствами отдельных моментов его уникальной биографии.

© «Захаров», 2015

Предисловие

Исполняющееся в 1929 году столетие со дня смерти Грибоедова должно сильнее привлечь общественное внимание к гениальному творцу «Горя от ума», к его трудной жизни и к столь необычайной и горькой его гибели. Его гражданский пафос, который взлелеяло «дней Александровых прекрасное начало», снова захватит нас своей свежестью, столь же неувядаемою, как и страстное воодушевление всего выросшего в эту эпоху поколения. Та исключительная, дотоле неизвестная сила, с которой Грибоедов бичевал «прошедшего житья подлейшие черты», была возможна только потому, что он был голосом, рупором своего поколения; вместе с последним оборвался и заглох этот голос, когда наступило пресловутое «начало славных дней» императора Николая, принесшее с собою «мятежи и казни» и преждевременный конец самому Грибоедову и его боевым товарищам, сверстникам, единомышленникам и друзьям. Он был не единственным «на поприще славы», кого сожрало свирепое безвременье; оплакавшие его Пушкин, Бестужев и Александр Одоевский последовали за ним вскоре — так же до срока — один за другим.

Предстоящая нам в этом году новая встреча с Грибоедовым должна вызвать большой интерес к его облику, каким он являлся современниками людям, знавшим Грибоедова близко. Но здесь придется натолкнуться на обстоятельство, констатированное еще Пушкиным, когда

он на уединенной дороге — за Безобдалом — столь разительно повстречался с телом несчастного «Грибоеда», с «Грибоедовым-Персидским», возвращавшимся «в русские пределы» на скрипучей грузинской арбе: «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов»; и следы, оставленные Грибоедовым в памяти современников, во всяком случае, несколько путанны и не очень глубоки. Что делать?.. «Мы ленивы и нелюбопытны», память у нас короткая да и з а б в е н и е было предписано с высоты престола. Ведь, «его величеству отрадна была бы уверенность», что эту страшную смерть «должно *приписать* опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова» и потому «его величеству» нетрудно было «предать вечному забвению злополучное тегеранское происшествие».

Но припоминания современников Грибоедова, как бы ни были они летучи и отрывисты, являются подчас чуть ли не единственными источниками для отдельных моментов его биографии. Кроме того, они, как и всякое свидетельство подобного рода, обладают яркостью и трепетной жизненностью, редко в такой мере присущую официальному документу. Поэтому собрать вместе известный цикл разбросанных записей о живом Грибоедове и об обстоятельствах его смерти представлялось нам, при наблюдающемся сейчас к нему интересе, делом далеко не лишним. Несмотря на все противоречие оценок, predeterminedное разностью темпераментов, положений и подходов, перед нами должен здесь встать живой человек со всеми свойственными ему «неизбежными спутниками человечества». И наряду с задушевными признаниями близких друзей, знавших Грибоедова очень хорошо, читатель найдет в этой книге и прямолинейные обвинения Н. Н. Муравьева, и неожиданный

партизанский удар Дениса Давыдова, и просто запоздалые уколы исподтишка. Никто, однако — ни панегиристы, ни хулители — не мог подняться до той всеобъемлющей высоты восприятия личности Грибоедова, как это, естественно, удалось Пушкину. Простота и торжественность, какая-то особенная тишина, разлитая в этих абзацах из «Путешествия в Арзрум», кажется реквиемом, под звуки которого Пушкин, стоя над прахом растерзанного собрата, оплакал его достойно и немногословно.

Желая придать нашей книге некоторую органичность и стройность, мы, исходя из самой природы наличного материала, разбили его на шесть разделов, куда вошли наиболее крупные и значительные записи и рассказы современников о Грибоедове. Ряд припоминаний о нем, не вошедших в основной текст, читатель найдет в наших примечаниях (позади текста), где припоминания эти также соответствующим образом систематизированы; сюда относятся записи: Кс. А. Полевого, А. С. Стурдзы, Е. В. Новосильцевой, И. П. Липранди, К. А. Бороздина (о Нине Грибоедовой)... Кроме того, мы сочли уместным в тех или иных случаях вводить в примечания краткие извлечения из записей мемуарного характера, относящихся к друзьям и знакомым Грибоедова, так сказать — к грибоедовскому окружению.

Записи современников Грибоедова, собранные в нашей книге, печатались в различных повременных изданиях на протяжении восьмидесяти лет. В примечаниях в конце книги даны точные указания, из какого издания мы воспроизводим на страницах нашего сборника ту или иную мемуарную запись. Печатавая весь этот материал по новой орфографии, мы, тем не менее, старались соблюсти возможную точность воспроизведения его, сохраняя в неприкосновенности стилистические промахи отдельных

мемуаристов, а иногда и колоритное своеобразие их транскрипции. Это, тем более, относится к транскрипции персидских собственных имен и терминов, иногда искаженных почти до неузнаваемости; приводить их к одному, хотя бы и верному, знаменателю, мы не считали себя вправе, несмотря на все желание видеть нашу книгу хоть сколько-нибудь цельной.

В дремучих дебрях персидского Востока и в недрах иностранных дипломатических архивов дремлет, надо думать, не одна еще тайна, имеющая ближайшее касательство к тегеранской катастрофе, к трагическому эпилогу «ратоборства Грибоедова со всем царством персидским». Почему «искра его гибели таилась уже в Персии прежде, нежели он туда приехал», и почему сам Грибоедов, отправляясь в последний раз на Восток, был так мрачно и непоколебимо уверен, что «нас там непременно всех перережут», — весь этот змеиный клубок и сейчас еще не совсем распутан. Но и из того, что мы могли представить в нашей книге, внимательный читатель уловит и поймет многое, а главное, он ощутит живого Грибоедова, эту желчь «одного из самых умных людей в России» среди «всей сволочи здешних литераторов», его верность другу, его «холодную храбрость» и гражданскую зрелость.

Зин. Давыдов.

I

Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, все в нем было необыкновенно привлекательно.

А. Пушкин

Ф. Булгарин¹

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННОМ
АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ
ГРИБОЕДОВЕ

После плачевного события, лишившего Россию одного из избранных сынов ее, а нас, друзей Грибоедова, повергнувшего в вечную горестъ, — часто собирался я написать несколько строк в память незабвенного; но при каждом воспоминании о нем, глубокая скорбь, объяв душу, заглушала в ней все другие ощущения, затемняла разум и лишала возможности мыслить... я мог только проливать слезы...

Наконец, время, не исцелив ран сердечных, освоило меня с горестью, как увечного с его недугом. Я решился представить очерк жизни, или, лучше сказать, нравственного бытия Грибоедова, не для утешения друзей его (ибо нам невозможно утешиться), но исполняя долг гражданина, друга и писателя. Чувствую, что при всей моей любви к Грибоедову, при всем познании его характера, я не могу изобразить верно его нравственный портрет. Горжусь и тем, что мог постигнуть возвышенную его душу и оценить необыкновенный ум и дарования.

Жизнь Грибоедова обильна чувствованиями, мыслями, мечтами высокими, но не богата происшествиями². Грибоедов родился около 1793³ года. Род его ведет свое происхождение из Польши, от фамилии Грибовских, переселившихся в Россию, кажется, в начале царствования

рода Романовых. Один из предков Грибоедова подписался на Уложении царя Алексея Михайловича, припоминающем, во многих местах, Статут Литовский, сочиненный литовским канцлером Львом Сапегою в XVI веке. Это заставляет думать, что предок Грибоедовых, писавший Уложение, мог быть нарочно вызван в Россию для этого дела как муж искусный в правождении. Впрочем, это одно предположение, о котором мы неоднократно говорили с покойным другом. Герб его и надпись на нем⁴ объясняют происхождение и древность его рода, который отныне получает новый блеск дарованиями и душевными качествами покойного Александра Сергеевича, лучшими правами на уважение соотечественников. Воспоминания о знаменитых предках служат укором недостойным потомкам, которые гордятся чужими заслугами. А. С. Грибоедов облагодородил бы всякое происхождение.

Он получил первоначальное воспитание в Москве, в доме родительском. Лучшие профессора Московского университета и частные учителя преподавали ему уроки. После он стал посещать университетские публичные лекции как вольнослушающий студент; учился прилежно, страстно, более всех споспешествовал к развитию способностей Грибоедова знаменитый московский профессор Буле⁵. У него Грибоедов брал частные уроки в философических и политических науках на дому и руководствовался его советами по всем отраслям познаний. Наступление отечественной войны прекратило учебные занятия Грибоедова. Получив по экзамену степень кандидата прав, с чином 12 класса, А. С. Грибоедов в 1812 [г.], июля 26-го, вступил в военную службу корнетом в сформированный графом Салтыковым Московский гусарский полк, который вскоре был распушен по смерти графа

в Казани, и Грибоедов поступил, в декабре того же года, в Иркутский гусарский полк.

Эскадрон, в который он был определен, находился тогда в Литве, в резервном кавалерийском корпусе, состоявшем под начальством генерала-от-кавалерии Андрея Семеновича Кологривова; главная корпусная квартира была в Бресте-Литовском. Здесь для Грибоедова началась новая жизнь. Пламенная душа его требовала деятельности, ум пищи, но — ни место, ни обстоятельства не могли удовлетворить его желаниям. Надлежало чем-нибудь наполнить пустоту сердца, и юность представила ему в радужных цветах мечты наслаждений, которых истинная цена познается только с летами и опытностью. Дружба спасла Грибоедова от сетей, в которые часто попадают пылкие и благородные, но неопытные юноши в начале светского поприща.

В это время Грибоедов познакомился и подружился с Степаном Никитичем Бегичевым⁶, бывшим тогда адъютантом при генерале Кологривове, и нашел в нем истинного друга и ментора. Дружба эта продолжалась до смерти Грибоедова и длится за гробом. В свете не поверили бы и стали удивляться такой дружбе, какая существовала между Грибоедовым, Бегичевым и еще некоторыми близкими к сердцу покойного. Чувства, мысли, труды, имущество, все было общим в дружбе с Грибоедовым. Нет тех пожертвований, на которые бы не решился Грибоедов для дружбы — всем жертвовали друзья для Грибоедова. Его нельзя было любить иначе, как страстно, с энтузиазмом, потому что пламенная душа его согревала и воспламеняла все вокруг себя. С Грибоедовым благородный человек делался лучше, благороднее. Его нежная привязанность к другу, внимание, искренность, светлые, чистые мысли, высокие чувствования

переливались в душу и зарождали ощущения новой, сладостной жизни. Его голос, взгляд, улыбка, приемы имели какую-то необыкновенную прелесть; звук его голоса проникал в душу, убеждение лилось из уст⁷... Не могу написать ничего связного о Грибоедове: ибо когда только должен вспомнить о душе его, о его качествах, сердце мое разрывается на части... Но я обещал сказать что-нибудь — исполняю.

Грибоедова любили многие, но, кроме родных, ближе всех к нему были: С. Н. Бегичев, Андрей Андреевич Жандр⁸ и я. Познав Грибоедова, я прилепился к нему душою, был совершенно счастлив его дружбою, жил новою жизнью в другом лучшем мире — и осиротел навеки!..

Но первое право на дружбу Грибоедова имел Бегичев. Он узнал его прежде других, прежде постигнул его и в юношеском пламени открывал нетленное сокровище, душу благородную. С. Н. Бегичев разбудил Грибоедова от очарованного сна и обратил к деятельности. Грибоедов писал стихи, еще посещая университет, но не собирал их и не печатал. В Польше он снова обратился к русской словесности и написал комедию «Молодые супруги», которая была играна в первый раз в С.-Петербурге, сентября 29-го, 1815 г., в пользу актрисы Семеновы м[еньшой]⁹.

Грибоедов приехал в Петербург в 1815 году. В Польше познакомился он с князем А. А. Шаховским¹⁰, а в Петербурге с Н. И. Хмельницким¹¹ и А. А. Жандром. Связь с сими литераторами заставила его снова приняться за перо и трудиться общими силами для театра, по примеру французских писателей. Грибоедов участвовал с князем А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким в сочинении комедии «Своя семья», представленной в первый раз на СПб театре января 24-го, 1818 г.; а с А. А. Жандром

перевел с французского комедию «Притворная неверность», соч. Барта, представленную в первый раз на С.-Петербургском театре в феврале 1817 г.¹²

Тотчас по приезде его в С.-Петербург Грибоедов познакомился с Н. И. Гречем¹³, издававшим «Сын Отечества», в котором Грибоедов поместил несколько театральных статей. Грибоедов душевно любил и уважал Греча, был с ним искренен, как с другом. Греч имел случай оказать ему на деле свою дружбу, и если я не поместил Греча в числе самых ближних, то это потому только, что он по обстоятельствам реже бывал с Грибоедовым, нежели Жандр и я.

В 1816 году, в марте, Грибоедов вышел в отставку из военной службы. Проживая в Петербурге, он не столько занимался литературою, сколько побуждала его к тому врожденная склонность. Он жил более в свете и для света, и только малые урывки времени посвящал музам. В 1817 году он поступил на службу в ведомство коллегии иностранных дел, с чином губернского секретаря; в следующем году определен секретарем персидской миссии, произведен в титулярные советники, и отправился в Таврис. Российским поверенным в делах в Персии был тогда стат. сов. Мазарович¹⁴.

Грибоедов знал совершенно немецкий, французский, итальянский и английский языки и понимал латинский. В Персии он стал обучаться по персидски и в скором времени не только объяснялся свободно на сем языке, но и понимал персидских авторов. Поведением своим и характером он снискал себе уважение целой английской миссии в Таврисе, и приобрел особенную благосклонность наследника престола, принца Аббаса-Мирзы, который истинно любил Грибоедова и находил удовольствие в его беседе. Все отличнейшие сановники персидские